

(ПИСЬМО ДЕВУШКАМ-ТРАКТОРИСТКАМ)

В нашей МТС на курсах трактористов учится много девушек из колхозов. Пришлось мне беседовать с ними. Многие пришли на курсы с охотой, а некоторые мне говорили: «Какие из нас трактористки, не женское это дело...»

И мне, старой трактористке, обидно стало за такие слова. Не понимают они, какому благородному и нужному для страны делу посвящает себя тракторист.

Когда началась война, мой муж-тракторист на фронт пошел. Ушли на войну и другие трактористы. И кто же их мог заменить, как не мы. Много тогда, в тревожные для родины дни, село дедала на трактора. Мы думали: мужчины на войну ушли, остались бабы с ребятами, будем день и ночь работать и за себя и за мужей, чтобы страну без хлеба не оставить. Так и работала я со своими подругами. По 4 часа в сутки спали, но трактора не стояли...

Когда немцы прогнали, вернулись мы, четверо, в разваленную МТС. Сами собрали семь тракторов и выехали в колхозы. Пришлось нам с трактористом Жучковым в колхозе им. Сталина работать. В колхозе ни одной лошади не осталось. Коров почти всех немцы убили. Смотрят на нас женщины, как на спасителей. Вся надежда на трактора. Не вспашем, не поседем—ничего не будет, из нужды не выберемся. И мы вспахали и посеяли в этом колхозе почти вдвое больше, чем предполагалось, да еще двум другим колхозам помочь успели. Я на своем «ХТЗ» за год выработала 488 гектаров. Колхоз собрал хлеб и сполна рассчитался с государством. Подумала я: это мой подарок родине.

Вот что значит наша работа, девушки, в военное время. А нас на тракторах сейчас больше, чем в мирное. Вот и подумайте, какую большую помощь колхозам, родине, Красной Армии мы оказываем. Муж мой танкист. Недавно писал он мне: «Прочли в газете, что Дарья Гармаш 1500 гектаров выработала. Вспомнили и вы, родные. Молодцы, еще лучше работайте. Дело у нас общее. Нам немца добывать, вам хлеб растить, колхозам помогать...»

Это самые дорогие слова. У каждой из нас или муж, или брат, или жених на войне. Вот и надо нам их благодарности заслужить.

А чем ее заслужить? В прошлом году колхоз им. Сталина 338 га засеял, а теперь ему еще больше надо сеять. Колхозники собираются лучший урожай получить. И так ведь везде. Значит и нам, трактористкам, много работы будет. Есть где приложить нам свои силы, девушки!

Молодые трактористки иногда думают: достаточно окончить курсы и можно работать. Это неправильно. Сама я после курсов все время училась у опытных трактористов, пока не освоила трактор. И чтобы у нас не было случаев, когда трактористка оказывается беспомощной около остановившегося трактора—надо хорошенько изучить машину. Пусть опытные трактористы помогут молодым. Я, например, взяла над двумя курсантками шефство и буду обучать их до тех пор, пока они не научатся хорошо работать.

У нас в МТС, да наверняка и во многих других, очень редко собирают молодых трактористок. До войны они чаще собирались. Механики, старые трактористы учили их. Давайте, девушки, посоветуем директорам МТС возобновить технические конференции и совещания молодых трактористов во всех наших станциях. Они помогут—научимся хорошо работать.

В любой МТС есть трактористки, которые очень низкую выработку дают. Мы не можем относиться к этому безразлично. Плохой тот тракторист, кто думает: лишь бы у меня хорошо было. Давайте на себе соревноваться за высокую выработку и лучше помогать друг другу. Остановился у неопытной трактористки трактор—не проходи мимо, помоги ей, научи ее. Если мы все так действовать будем—лучше дела у нас пойдут.

Если мы не будем забывать, что наша работа самая важная в военное время, будем любить свою профессию, то мы сумеем вдвое, а то и втрое больше сделать для родины и фронта.

Прощу вас, девушки, ответить на мое письмо.

Елена КУЦЕНКО,
трактористка Тавровской МТС,
Белгородского района.

На снимке: многолетние матери, награжденные орденами и медалями. (Слева направо) сидят: Е. И. Сорокина, В. Н. Бороздина, М. Д. Аббакумова, Е. С. Ерофеева, М. Д. Лобынцева. Стоят: М. В. Семина, К. И. Канничева, М. В. Крутых.

Воспитатель

Вскоре после Октябрьской революции во дворе бывшего имения князя Юсупова поместилась школа. В слободе Ракитной быстро узнали серьезную молодую учительницу Марию Петровну Сидорову. Она преподавала математику в старших классах. И на ее уроках слышен был полет мысли, оживали сухие формулы и отвлеченная холодная наука—математика постепенно становилась любимым предметом школьников. Выдержанная, всегда очень ровная и спокойная учительница имела замечательное влияние на самых строптивых. Запущенные ребята неизменно поручались Марии Петровне. Однажды на своем уроке она увидела новичка. Красивый мальчик с тонким очень подвижным лицом смотрел как-то мимо учительницы. Валерий Рогач два года беспризорничал. «Хотите стать культурным человеком, Валерий?»—серьезно спросила учительница и, не дожидаясь ответа, заговорила:

— Вам надо серьезно заняться математикой, она научит вас думать. А подумайте вам есть о чем.

Через два месяца Валерий удивил преподавателей отличными отметками. Впоследствии, один из многочисленных любимцев Марии Петровны, он стал отважным летчиком. Много внимания и материнской заботы отдала она Яше Ковалеву, Мите Александрову и многим, многим другим детям. Мите эта учительница-мать помогала и тогда, когда он был уже студентом Московского университета. Мите—гордость Марии Петровны. Окончив университет, он поступил в воздушную военную академию и

прекрасно окончил ее. Стал доцентом университета Коля Фисун. Двадцать педагогов школы, в которой Мария Петровна Сидорова проработала 23 года—ее ученики. Как быстро шли годы!

Ураганом налетела война. Она ворвалась в тихое село Ракитное и перевернула жизнь. Немцы... Рано утром к учительнице прибежали ребята:

— Парты жгут, окна вышибли, в них, как в двери, ходят,—захлебываясь, рассказывали они. Учительница, замотав голову шарфом, выбежала на улицу. По заснеженной дороге два немецких солдата вели восьмидесятилетнюю старуху. Мария Петровна знала ее,—старуха работала сторожкой в райкоме партии. В бледно-голубых давно уже выцветших глазах старухи стояли слезы, ветер трепал косицы седых волос. Ее расстреляли за селом. А на другой день повесили мальчика десятиклассника.

Медленно и страшно тянулось время. В один из холодных вьюжных вечеров в окно кто-то постучал. Это были полузамерзшие женщина и девочка лет двенадцати. Они бежали из Харькова, каким-то чудом ушли из барака, куда немцы собрали евреев-смертников. Ничего не спрашивая, хозяйка раздела едва живую девочку. Вопрос о том, что они останутся здесь решил сам собой. Началась возня с подчисткой паспорта, с пропиской. Спрятать в то время в селе еврейку было очень трудно.

Однажды, возвращаясь от приятельницы, она застала у себя новую гостью—учительницу Ан-

тонову из Сажновского района. Село, в котором она жила, немцы сожгли дотла, а жителей выгнали.

— Оставайтесь, куда вы пойдете, ведь замерзнете, будем уж как-нибудь вместе до прихода наших,—сказала хозяйка.

Скоро немцы узнали о том, что учителя с гражданами села слушают радио. Марии Петровне Сидоровой пришлось уходить из села. В квартире поднялся плач: плакали дети—двое младших Марии Петровны, плакали ее подшефные.

«Не брошу вас, собирайтесь, все вместе пойдем». И собралась семья, сплоченная одним горем, двинулась в путь сквозь мороз и метель. Страшно вспомнить эти дни, но прошли они, минули.

С первого же дня освобождения родного села учительница принялась за большую работу по восстановлению школы. Она втянула в работу всех своих питомцев и вместе с ними сделала чудеса. По скляночке, по стеклышку, словно в мозаичной работе, собрали оконные рамы. Починили и поставили вновь разрушенные печи. Эта кропотливая работа вместе с детьми, если поближе присмотреться к ней, очень напоминала работу муравьев в развороченном муравейнике. Правительство наградило М. П. Сидорову орденом «Знак почта» за большую самоотверженную работу.

Л. ШЕЛЕСТ.

Возмездие пришло

Прошел всего месяц, как Елизавета Никифорова Власова, бывшая работница курской трикотажной фабрики, вернулась из Германии. Лицо ее все еще сохраняет какой-то особый нездоровый, отпечаток. Глухо звучит усталый голос.

...Невольничий рынок в Гамбурге. Женщины и мужчины—русские, французы, поляки выставлены в длинную шеренгу. Это рабы и рабыни. Даже имел ли у кого из них нет. У каждого русского—на груди бирка с номером и надписью «ОСТ». Вдоль шеренги неторопливо прохаживается толстый немец—одутловатое лицо, двойной подбородок. Господин Шпалер. Он может купить любого из людей, стоящих в шеренге. 9 марок—цена раба в Третьей Империи.

Господин Шпалер остановился против Елизаветы Никифоровны, с головы до ног обшарил ее тусклыми, заплясавшими жиром глазами. Так осматривают перед покупкой скот. Осмотрел и, видимо довольный результатом осмотра, указал на нее коротким жестом пальцем вытянутой руки.

Имел же господина Шпалера. Вмостительный каменный дом. 300 моргов земли. 25 дойных

коров, 20 свиный и 5 рабов—двое русских, двое французов и поляка. Работа начинается в 5 часов утра, кончается в 10 часов вечера. Во время уборки рабы трудятся до полудня. Всегда голодные. На завтрак—суррогат кофе без сахара, без молока, маленький ломтик хлеба; на обед—суп из брюквы, вареная свекла и такой же маленький ломтик хлеба; на ужин—снова вареная свекла и ломтик хлеба.

В руке у господина Шпалера толстая резиновая палка—«гумма». Когда гуммы нет близко, господин Шпалер бьет тяжелым кулаком по голове, по лицу.

Елизавета Никифорова рассказала нам, как умер юноша по имени Анатолий. Его купил на невольничьем рынке владелец соседнего имения. Анатолий всю свою короткую жизнь прожил в Курск и не имел представления о сельскохозяйственных работах. Дело у него не клеилось. Это приводило немца в бешенство. По несколько раз в день он избивал Анатолия до полусмерти. Все тело юноши было в ссадинах, синяках, кровоподтеках. Анатолий умер от побоев, но в акте о его смерти было сказано, что он погиб из-за собственной неосторожности—свалился с пер-

еда и расшибся. Все знали, что это ложь, но в Германии рабы—вне закона. Хозяева могут делать с ними все, что угодно.

Кроме Елизаветы Никифоровны, у господина Шпалера был еще один русский работник Петр Б., военнопленный. Они любили друг друга—Петр и Елизавета Никифорова. Ей очень хотелось ребенка: говорили, что Беременных отправляют на родину, в Россию. Но путь в Россию—далекий путь. Не многих хватало до конца этого пути.

Когда беременность Елизаветы Никифоровны была удостоверена врачом, женщину отправили в пересыльный лагерь близ польского городка Илево. В лагере было около 1500 русских и поляков обоих пола—больных, калек. Помещались все вместе в бараках с голыми нарами в три этажа. Даже тифозных не отделяли. Кормили один раз в сутки: кусок хлеба из муки, смешанной с опилками, и литр супа из брюквы. Многие не выдерживали: тайком перелезали через колючую проволоку и шли в ближайшую деревню просить милостыню. Пойманных караульные избивали до потери сознания. От голода, болезней, побоев в лагере каждые сутки умирало 25—30 человек.

Здесь, в лагере, Елизавета Никифорова родила дочь. Женщина была лишена медицин-

ской помощи и какого бы то ни было ухода. Корчась от боли на жестких досках нар, она вспоминала родину, советскую жизнь, где рождение ребенка было особенно радостным и торжественным событием. Отпуска по беременности с сохранением заработной платы, светлые, сверкающие чистотой палаты родильных домов, трогательная забота не только со стороны родных и близких, но и со стороны всех остальных: начальников, товарищей по работе, просто знакомых. Все это казалось далекой и чудесной сказкой теперь—в холодном бараке с голыми нарами.

Немцы. Это они лишили сотни тысяч женщин счастливого материнства. Сколько страшных проклятий тебе, Германия, сыпалось с опаленных страданием женских уст!

Ребенок не помог. Не на родину, не в Россию попала Елизавета Никифорова. Вместе с сотнями других иностранных рабочих ее отправили на торфоразработки в Восточную Пруссию. Но перед этим немцы решили показать рабам, как бывают наказаны непокорные, все те, кто работает на господ с недостаточным усердием, пытаясь ослушаться. Это было нечто вроде бесплатной «экскурсии» в так называемый исправительный лагерь. Партия рабочих, с которой привезли сюда Елизавету Ники-

форовну, не была на положении заключенных. Нет, им только показывали здесь, как живут, или вернее гибнут, непокорные рабы.

С рассвета до темна голодные лагерники корчевали и возили на себе или. Неверное движение, замедление темпа работы, вызванное слабостью, усталостью,—важно за собой избивание резиновой палкой. Но, помимо этого, каждого лагерника два раза в день, в строго установленные часы избивали до полусмерти, травили собаками. Так продолжалось 12 дней. Выживали очень немногие. Их возвращали козлевам. А трупы замученных сбрасывали в холодный подвал и, время от времени, большими партиями вывозили из лагеря на грузовиках.

И везде—на торфоразработках и у прусских кулаков Эрмилла, Цандра, Заха Елизавета Никифорова знала одно: голод, побой, непосильный труд.

Но возмездие пришло. Загрела советская артиллерия. Прусские нагнали добром огромные пятикопеечные фуры. Но далеко уехать им не удалось. Наше подразделение перерезало дорогу и мерзавцы почилились обратно.

Возмездие пришло! От суда, от справедливой кары немцам не уйти!

Н. КОРНЕЕВ.